

Вандор
Хельга

Цветы
пахнут
любовью

книга 2

Узоры жизни

тайны мистика фантастика

18+

Вандор Хельга

Цветы пахнут любовью

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57329433

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-95061-0

Аннотация

В размеренную жизнь молодого историка Софии вторгается нечто необъяснимое. У нее нарушается сон, возникают галлюцинации неизвестных лиц, угрожающих ей. София понимает, что это – признаки тяжелого психического расстройства и собирается обратиться к врачу. И в это время она знакомится со случайной попутчицей Туйлаш. Та объясняет Софии, что у неё – шаманья болезнь, беретса её вылечить, что и происходит. Однако на этом необъяснимые явления не заканчиваются. Судьба приводит Софию в немецкий город Гамбург, и там она попадает в авиакатастрофу. Но судьба ли вела её?..

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Вандор Хельга

Цветы пахнут любовью

Пролог

Да простит меня известный классик, но я все же рискну перефразировать его:

Камни... Любите ли вы камни так, как я люблю их...

Но если вы полагаете, что меня, как прочих женщин, привлекают блеск и игра света в гранях алмаза, рубина или сапфира, то вы заблуждаетесь. Я люблю все камни: от миниатюрных драгоценных до невзрачных серых валунов. Почему – и сама не знаю. Может, из-за Андрея, моего бывшего соседа, а затем мужа? Он был на десять лет старше меня, и, пока я грызла гранит наук в школе, Андрей, будучи геологом, уже мерил ногами свои бесконечные тропы. А, возвратясь, непременно подзывал меня к себе:

– Сонька! Иди-ка сюда, позолочу тебе ручку! Закрой глаза...

Я изо всех сил добросовестно жмурилась. На зависть всем моим дворовым друзьям, Андрей клал в мою раскрытую ладонь очередной камень, который я тут же прижимала к груди. Это было непередаваемое ощущение... Я знакомялась со своим молчаливым очередным другом, и мир вокруг менял-

ся совершенно! Он становился либо фиалковым, либо розовым, либо серым и так далее, прозрачным или нет... Я была внутри этого каменного мира, я разглядывала там каждую песчинку, или стрелчатые иглы, или грань, неважно. Я чувствовала его совершенно индивидуальный аромат: то пряный восточный, то изысканный лилейный, то освежающий и неуловимый запах снега... Камень тоже прислушивался ко мне, мы становились с ним одним целым.

– Ну, и какого он цвета? – весело спрашивал Андрей, и я отвечала:

– Синий!.. (Серый с красными пятнами, зеленый с прожилками как картина, черные лучики...)

– Ха, вот хитрюга, опять подсмотрела, малявка!

Но я никогда не подсматривала!

Андрей брал меня под руки, поднимал на высоту своего роста (позже, когда я вытянулась, стал наклоняться ко мне) и мы с ним шутливо бодались. После чего он ставил меня на прежнее место и уходил с Томкой Королёвой – королевой нашего двора. Мы так привыкли к этой паре, что никто и не удивился тому, что они вместе поступили на геофак, потом вместе ходили в экспедиции, а под конец собирались пожениться.

Я до сих пор не знаю, что между ними произошло. Но только в один прекрасный для меня день, когда я вся сияла от счастья – ну а как же, поступила в университет, на историко-философский – а мои закадычные дворовые друзья об-

суждали где и как мы отметим это дело – раздался привычный оклик:

– Сонька! Иди-ка сюда!

Я немного замешкалась, потому что у нас с друзьями в тот момент обсуждалось важное дело – где бы нам собраться, чтобы подальше от всевидящего ока старших.

Я не придавала особого значения тому, что Андрей не сказал обычного окончания:

– ...позолочу тебе ручку! Закрой глаза...

Сказав друзьям: – Минуточку! – я подбежала к Андрею. Но он отчего-то смотрел не на меня. Я проследила за его взглядом. И вот так, вдвоем с ним, мы устали на Томку Королёву, которая горделиво и торжествующе прошествовала с каким-то незнакомым мужчиной – мимо нас и мимо всего остолбеневшего двора – к шикарной белой Волге...

– Сонька, пошли! – Андрей властно взял меня под руку и властно повел – тоже мимо всего остолбеневшего двора. Мелькнули изумленные глаза Кольки Седых, только вчера неудачно пытавшегося поцеловать меня...

Я была тоже настолько растеряна и озадачена, что безропотно подчинилась Андрею. А потом точно так же, безропотно, подчинилась, когда он завел в свою квартиру и стал нежно и страстно целовать мне губы, лицо, шею, затем, сняв бюстгальтер, груди... А потом, когда он стал целовать мои соски, тело перестало мне подчиняться... Оно жило своей жизнью, не известной мне прежде, оно изгибалось змеёй и

ластилось кошкой, оно предвкушало и наслаждалось...

– Соня... девочка... какая же ты нежная... – шептал он.

Затем, когда мы немного пришли в себя, Андрей заявил:

– Ты не думай ничего плохого! Идем в ЗАГС, прямо сейчас!

– Нет, завтра... – прошептала я, потому что во мне было столько счастья, что я боялась – оно исчезнет, стоит лишь мне оторваться от его жарких объятий...

Мне повезло с моим первым мужчиной, Андреем. И не повезло с мужем.

История банальная. Мы поженились, он ушёл в свою очередную экспедицию, а по возвращению, пряча глаза, заявил:

– Соня, прости. Ты очень хорошая, ты потрясающе нежная. Но я не люблю тебя. Я дурак, испортил тебе жизнь. Прости.

Мы развелись, и почти сразу же он женился на Томке. Кстати, в отличие от меня, сохранившую до сих пор фамилию Андрея, она почему-то не стала менять свою, так и оставшись королевой нашего двора – Королёвой. Как и положено королеве, она проходила мимо, не удостоив меня даже взглядом.

Я же на многие годы осталась одинокой и безнадежно больной любовью. Каждый день, из года в год я ожидала – как он вернется, как зайдет ко мне и скажет...

Но я отвлеклась. Так вот о камнях. У Андрея дома была внушительная коллекция. Он часами мог рассказывать мне о них: как называются, откуда, какой у них состав, и для чего они используются. Но эти сухие научные данные мне были неинтересны, и оттого почти ничего не отложилось в памяти, кроме нескольких названий: родонит – камень утренней зари, рунит – норвежский тинт, эвдиалит – лопарская кровь и астрофиллит – саамское золото. Именно эти камни были мне самыми близкими, теплыми и какими-то родными. Камень утренней зари – это была моя любовь к Андрею, страстная и тревожная. В норвежском тинте таилась загадка древних письменностей и рун. А алые вкрапления в эвдиалите – лопарской крови, равно как и игольчатые астры в саамском золоте, неизменно вызывали во мне непреодолимую тягу к Хибинским тундрам, где я никогда не была. Странная тяга, не правда ли? Может, это подавали голос гены моего отца? Он был родом откуда-то из тех мест, ещё до того, как попал в детский дом в довоенном Ленинграде, и до того, как стал мостостроителем.

Вскоре наш старый двухэтажный дом расселили, жильцы получили квартиры в разных районах города. С Андреем я больше не встречалась, вплоть до этого года. Месяца четыре назад он сам нашел меня – подкараулил после работы и, как во времена моего безоблачного детства, окликнул:
– Сонька! Иди-ка сюда, позолочу тебе ручку!

Я остолбенела. Неужели... Мое сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди. Я подошла к нему, моему первому и единственному мужчине. Андрей был какой-то неухоженный и помятый. Руку, как всегда в таких случаях, он держал за спиной.

– Закрой глаза!

Я зажмурилась.

– Вот, это тебе. Редчайший случай...

Он вложил мне в руки какой-то камень. Я прижала его к груди...

Наступила темнота, тишина и безвременье.

Я прислушивалась к своим ощущениям – и ничего не могла понять. Всё вязло в черной мгле. Ни просвета, ни шороха. Но камень жил, я чувствовала это! Он жил своей, не понятной мне, жизнью. Он пристально изучал меня, мою душу, прикидывал, каковы мои возможности и запас прочности. Потом эти ощущения совершенно исчезли, словно и не было.

Я распахнула глаза и уставилась на неожиданный подарок. У меня в руках был небольшой черный камень неправильной кубической формы с блестящими гранями. Я подняла взгляд на Андрея.

– Это черная шпинель, – объяснил он, – очень редкий экземпляр. Представляешь, Сонь, я нашел его в районе Лопарского перевала в Хибинах! Кто бы мог подумать о такой

невероятной находке!..

– Зачем он мне? – мой голос отчего-то был с хрипотцой.

Он пожал плечами.

– Да так. Зачем – не знаю. Вот просто дико захотелось подарить его тебе. Бери.

Он ласково погладил мои щеки. Склонился и легко поцеловал в губы.

– Будь счастлива, моя девочка. Ты ещё будешь счастлива.

– А ты?..

Он не ответил мне. Повернулся и быстрым шагом пошёл прочь.

Глава 1

Наконец объявили посадку. Я захлопнула книгу и принялась укладывать её в чемодан.

– Мама, смотри, цыганка! – раздался совсем рядом детский голос.

Я подняла голову и глупо улыбнулась. Я всегда глупо улыбаюсь в ответ на чью-то бесцеремонность. Белобрысая девчушка лет семи стояла напротив и теребила мать, уставшую невыразительную женщину лет сорока. Та, нагруженная двумя чемоданами и сумкой, даже не взглянула на меня и прикрикнула на дочь:

– Валька, хватит ловить ворон, идём, нам на посадку! Держись за сумку, да покрепче!

Они прошли мимо: женщина торопливо и озабоченно, девчонка – всё время оглядываясь на меня. Застегнув чемодан, я подхватила его и двинулась следом. Мать и дочь почти сразу растворились вокзальной толчее, и я невольно вздохнула с облегчением. Не очень-то приятно, когда тебя разглядывают, как мартышку в зоопарке, а со мной такое происходит частенько. Не будешь же всем и каждому объяснять, что никакая я не цыганка. Просто у меня смуглое лицо, волнистые тёмные волосы и тёмно-карие глаза.

Вскоре я опять увидела их: мать и дочь уже входили в тот же вагон, к которому подошла и я. Надеюсь, хоть не в моё

купе. Нет, я не против детей, но отчего-то держу дистанцию с ними, впрочем, дистанцию, сколько я себя помню, держу со всеми. Такая уж уродилась.

Проводница проверила билет у стоящей передо мной пожилой алтайки в национальном халате. Я подала свой билет.

– Пособи-ка, милая... – обратилась ко мне алтайка, поправляя головной платок.

– Да, конечно, – я помогла ей поднять в вагон тяжёлые сумки.

Я прошла вслед за ней по вагону. У купе номер семь она остановилась и оглянулась.

– Тебе тоже сюда?

Я кивнула и улыбнулась. Надо сказать, глупая улыбка – частая гостья на моём лице.

– Так мы соседи!

– Похоже...

А в купе уже разместились давние знакомые – мать и дочь. Девчушка Валя смотрела в окно, место у которого она заняла, но тут же повернулась и опять уставилась на меня.

– Ну-ка, поднимись, внучка, – обратилась к ней алтайка, – я положу вещи.

– У нас две верхние полки, – извиняющимся голосом произнесла женщина. – Нам до Черепаново. Мы посидим внизу?..

– Конечно, сидите.

Вскоре поезд тронулся. Мы познакомились. Валину мать

звали Марией, она работала завклубом в Черепаново – об этом сразу же рассказала её дочь. Алтайка представилась: Туйлаш. Когда назвалась я, Мария подозрительно покосилась на меня, но промолчала. Я понимаю: всё как всегда. Тёмные волнистые волосы, значит, цыганка; имя София, значит, еврейка. Туйлаш же повторила моё имя на свой манер: Сопия.

Всю дорогу до Черепаново досужая девчушка Валя приставала к маме с громкими беспардонными вопросами: а тётя Соня цыганка? А она нас не обворует? А она меня не украдёт? Мать с устало-обречённым видом отбивала атаки: Валя, помолчи, Валентина, отстань, Валька, да замолчишь ты, наконец?!. Алтайка Туйлаш помалкивала, я тем более, и дурацкая улыбка почти не сходила с моего лица.

Наконец беспокойное семейство распрощалось с нами. Я вздохнула с облегчением и поймала на себе понимающий взгляд Туйлаш.

– Утомила тебя болтушка?

– Ничего.

Туйлаш выложила снедь.

– Угощайся. Далекое едешь?

– В Бийск.

– И я тоже до Бийска. А потом дальше – в Кош-Агач. Сын договорился со знакомым, он едет туда и меня прихватит.

Я тоже достала припасы, мы поужинали.

– Ложись спать, милая, – Туйлаш ласково погладила меня

по руке.— Вижу, хороший ты человек, добрый. Хорошей женой и матерью будешь.

Я опять глупо улыбнулась и промолчала. Женой я получилась неважной, раз Андрей ушёл от меня. Матери из меня тоже не получилось: детей у нас не было. Может, мы просто не успели — наша совместная жизнь длилась не более полугода. И вот уже шесть с половиной лет, как она закончилась, и другой не предвиделось. Туйлаш, поняв мое состояние, покачала головой.

— Всё у тебя будет, вот увидишь. Спи, милая, спи.

Я легла и закрыла глаза. Спи, спи... Хорошая ты женщина, Туйлаш, но тебе не понять, что вот прямо сейчас начинается мой ужас — сон! Дело в том, что со мной недавно что-то произошло: я перестала спать! И это не было обычной бессонницей, нет. Я уж и не знаю, как и отчего это случилось, но в какой момент блаженство сна превратилось для меня в нескончаемый кошмар!..

Как только начиналось засыпание, появлялись какие-то мерзкие рожи, они кривлялись, угрожали мне, они выталкивали меня, снова и снова выгоняя из блаженства сна во мрак ночи. Я подсакивала, садилась в постели, тараща глаза во тьме, и эта пытка продолжалась до утра...

Я не могла работать, как прежде, ходила как вареная, для меня и день превратился в пытку. Мне одновременно хотелось и провалиться в глубокий сон, и куда-то мчаться... Вместе с тем, уж не знаю, каким образом, я по-прежнему читала

лекции и собирала материал для своей кандидатской.

В конце концов, изнуренная происходящим, я поняла, что схожу с ума. Раздвоение личности – это шизофрения. Мой удел – не кандидатская о немцах-меннонитах, а палата номер шесть.

После долгих мучительных раздумий, после безуспешной борьбы с собой, я осознала, что не сумею сама справиться с болезнью, и что без помощи психиатра мне не обойтись.

Я смирилась и решила: пойду к врачу, пока окончательно не свихнулась. Может, все не так уж страшно?.. Ну попою каких-нибудь пилюль, глядишь, и легче станет. Только вот психушка – это же конец карьере. Как я буду жить дальше с клеймом шизофренички, я даже не представляла. Увы, у меня больше не было сил.

Перед визитом к психиатру и, стало быть, перед окончанием прежней жизни, я решила завершить свои суетные дела – съездить в Бийск, проведать могилу отца, я всегда так поступала в отпуске. И вот я еду.

Надо хотя бы просто полежать, закрыв глаза... Момент засыпания я пропустила. И вот они, опять! Я подскочила, села в постели. Сердце сжал страх... Страх даже не столько перед этими рожами, сколько от ужаса: я схожу с ума. Я шизофреничка... Вот что это такое. И это не лечится, это навсегда, прогноз невесёлый, не то слово...

Туйлаш тоже не спала. Она пристально смотрела на меня. Мне было очень стыдно за свое состояние. Я уставилась в

окно. Ночная мгла, вкуче с мерным перестуком колес, убаюкивала, звала в приятный мир сновидений. Я опять попыталась просто полежать без сна, но не тут то было! Как теперь уже стало обычно, мне вновь и вновь приходилось подскакивать и таращиться во тьму...

– Сопия, – послышался тихий шёпот Туйлаш, – ты видишь их?

Я попыталась прогнать сон, энергично потёрла лицо, глаза. Попыталась понять: о чём это толкует Туйлаш, присев возле меня.

– Ты видишь их? – повторила вопрос алтайка.

– К-к... – в голове у меня вихрем пронеслись мысли: откуда она знает?.. – Кого?

– Они не дают тебе покоя?.. Ты не можешь спать?..

Помедлив, я кивнула. Что толку скрывать.

– У меня что-то с головой... Кажется, я схожу с ума. – У меня задрожали губы, а на глаза навернулись слезы. – Что-то случилось со мной, кто-то нападает на меня ночью... Мне не надо было ехать в Бийск. Надо было сразу идти к врачу и ложиться в психиатрическую клинику...

Слезы предательски поползли по моим щекам. Я вытерла их, пробормотав:

– Нервы ни к черту...

В скудном свете ночника я увидела ласковую улыбку на лице моей попутчицы. Она погладила меня по руке.

– Милая, твоя болезнь называется шаманья. А лечить её

надо, но не в городе, не у врачей. Но лечить надо обязательно! Иначе – смерть! Я помогу тебе. Я кам, шаманка.

Я уставилась на неё и, несмотря на свое плачевное состояние, насмешливо хмыкнула. Чтобы я, Кузнецова София, кандидат в члены партии, преподаватель атеизма и политэкономии в университете, обратилась за помощью к какой-то шарлатанке?!

– Сопия, – продолжала вполголоса Туйлаш, – поверь мне. Духи выбрали тебя и теперь не оставят в покое. Они не потерпят твоего бездействия. Я тоже прошла через это. Едем со мной в Кош-Агач. Я помогу тебе. Ты должна стать шаманкой.

Мне даже не хотелось возражать ей. В самом деле, ну не читать же мне вот прямо здесь, ночью, лекцию этой малообразованной жительнице из глубинки о мракобесных предрассудках и о вреде пережитков прошлого...

Ночь перемежала тьму с редкими огнями полустанков, и в этом неясном свете лицо алтайки казалось моложе, чем при ярком свете дня.. Она что-то ещё говорила, но уже на своём языке...

Я открыла глаза. Туйлаш стояла надо мной.

– Собирайся, Сопия, подъезжаем к Бийску.

Я села, пытаюсь сообразить. Я что – спала?! Неужели?.. Вот так, безмятежно и спокойно, впервые за столько кошмарных ночей?..

Но я, действительно, была бодрая и отдохнувшая!

– Милая, – с мягкой настойчивостью продолжала Туйлаш, – ты должна понять: духи отступили, но ненадолго. Они скоро вернуться, и тогда тебя уже не спасет ничто. Поехали со мной в Кош-Агач. Я помогу тебе.

В полном смятении, ещё не решив, что же мне делать, я механически и послушно собирала вещи. С одной стороны, я сама рассказывала в своих лекциях о диком невежестве, царившем среди людей до революции, о пережитках тёмного прошлого в наши дни, и об уголовном кодексе, пресекающем знахарство и траволечение. Но, с другой стороны, я только что, впервые, после стольких мучений, выпалась всласть благодаря этой незнакомой женщине, вот так запросто утверждающей, что она – шаманка.

Шаманка?.. Но ведь советская власть давным-давно покончила с этим пережитком прошлого!.. Или же, действительно, они сохранились в глуши?

А почему бы и нет? Я в отпуске. Дома меня никто не ждёт. Мой мозг закоренелой атеистки тут же услужливо подкинул логичную версию самооправдания: эта неожиданная поездка в глубинку – прекрасный повод изучить народные обряды и историю края...

Туйлаш поняла меня без слов:

– Вот и правильно решила. Позже сама всё поймёшь.

Поезд остановился. Подхватив вещи, мы направились к выходу.

На перроне нас встретил мужчина лет сорока, Аксым. Судя по тому, как они с Туйлаш перебросились фразами – тоже алтаец, правда, одет по-современному. Он легко подхватил наши вещи и направился к стоящему «газику». К Туйлаш Аксым относился с глубоким почтением, из чего я сделала вывод, что поступила правильно, доверившись ей. Алтайка села впереди и оглянулась на меня:

– Удобно, Сопия?

– Да, не волнуйтесь.

Аксым тоже повернулся:

– Где же ты, красавица, свой табор оставила?

– Я не цыганка, – нахмурилась я.

Туйлаш что-то сказала ему по-алтайски. Аксым выслушал, кивнул, ещё раз посмотрел на меня с неподдельным интересом.

– Не обижайся, Сопия.

– Я София.

Он кивнул, завёл мотор, и мы поехали.

Всю долгую дорогу мои новые знакомые переговаривались на своём языке. Лишь изредка Аксым бросал мне через плечо объяснения:

– Выезжаем на Чуйский тракт... Бия... Катунь...

Я пыталась рассмотреть что-либо в ночной тьме, но тщетно. А дальше я опять заснула!.. И спала, как младенец! До самого Кош-Агача. Оказывается, я даже проспала погранпост в Акташе. Чудеса, да и только!

В Кош-Агач мы приехали днем. Аксым остановил машину у небольшого бревенчатого домика с плоской крышей, занёс наши вещи к порогу и, распрощавшись, уехал. Туйлаш, а следом и я, зашли в дом, который был не запертым. Студенткой, в этнографических экспедициях, мне приходилось видеть подобные жилища. Поэтому убогость обстановки единственной комнаты меня не удивила: железная печка посередине, у стены небольшой сундук для припасов, над ним – пара полочек с утварью, рядом – низкие столик и пара скамеек, далее – деревянный топчан, покрытый рыжеватыми шкурами и ещё – большой сундук.

Пока я разглядывала всё это, хозяйка разбирала сумки. Я, спохватившись, выложила остатки своей еды на столик: два яйца вкрутую, остатки колбасы и два пирожка с капустой.

– Вот... У меня немного, я не рассчитывала... Но я сейчас пойду куплю!.. Вы мне покажете, где магазин?

– Не надо магазина, – качнула головой Туйлаш, – а еды хватит.

Она положила на столик сыр, пару лепешек, поставила кувшин с айраном.

– Садись, Сопия, поедим да будем отправляться.

– Отправляться? – удивилась я. – Куда?

– Потом объясню. Садись.

Она указала мне на скамейку, сама же опустилась прямо на кошму. Мы быстро и молча съели почти всё. Затем Туй-

лаш легко поднялась на ноги, взяла оставшуюся целую лепёшку, сыр, завернула всё это в чистую тряпицу и сунула за пазуху своего халата:

– Это духам угощение. Ну, пошли.

Я двинулась за ней, мало что понимая. Затворив дверь, я окликнула хозяйку:

– Мы недалеко? Закрывать не надо?

Туйлаш оглянулась:

– Ты же закрыла.

– А замок?

Алтайка взглянула на меня таким недоуменным взглядом, что я сразу поняла нелепость своего вопроса. Видимо, замка у неё отродясь не было...

Сразу за домиком раскинулась каменистое нагорье, перемежаемое холмами и котловинами, а далее, на горизонте, белели горные вершины. Туда-то мы и направились. Туйлаш, несмотря на свой возраст, шагала легко и быстро, я пока что поспевала за ней. Идти по бездорожью мне, городской жительнице, было непривычно, но я не подавала виду. Хорошо, что на мне был удобный спортивный костюм и ботинки. Я подумала, что путь наш не будет долгим, но ошиблась.

Мало-помалу я втянулась в ритм и даже стала с любопытством озираться по сторонам. Вокруг почти сплошь чернели каменистые курумники, лишь кое-где виднелись островки скудной растительности. Неудивительно, что и живности

не было видно. Разглядеть её могли разве что орлы, парившие на головокружительной высоте.

– Мы идём в другой посёлок? – нарушила я молчание.

– Нет. Туда, – махнула рукой Туйлаш в сторону белоснежных вершин. – Там мой бог – камень, дерево, природа, Алтай.

Я не стала больше задавать вопросов. Судя по всему, Туйлаш знала, что делала.

Наш долгий путь продолжался среди пустынного нагорья. Мы взбирались на каменистые холмы, спускались в котловины, в которых кое-где синели озёра, шагали по плато со скупой растительностью, и нигде не встретили ни одного человека. Я даже подзабыла о своих неурядицах и страхах.

Эта неуютная местность действовала на меня каким-то невероятным образом. Бескрайний простор, продуваемый ветром, скудные клочки травы, белоснежные горные громады, мало-помалу приближающиеся к нам – все это, казалось, торжественно входило в мою душу, завладев ею полностью и навсегда.

Солнце клонилось к горизонту. Мы шли уже довольно долго, и по-прежнему не было видно ни жилищ, ни людей, ни животных. На мой вопрос об этом Туйлаш ответила:

– Никто из простых людей не ходит сюда, потому что здесь живут духи нашей земли.

– А как же мы?

– Камов ведут проводники.

Я подумала о том, что кам, то есть, шаманка здесь только одна. А на счет проводников – это, видимо, для красного словца. Просто алтайка хорошо знала дорогу.

Сумерки быстро сгущались. Остаток пути мы шли при свете огромной полной луны. Наконец Туйлаш остановилась и произнесла:

– Всё, пришли. Вот мой аил. – Дальше она произнесла что-то на своем языке.

Аилом оказался большой шалаш, крытый шкурами – мне приходилось видеть такие жилища в этнографических экспедициях.

– Занеси пока это... – Туйлаш подала мне узелок с едой, а сама, оставшись снаружи, принялась разводить костер из каких-то тощих веточек.

Я не стала упрашивать себя дважды и, взяв узелок, зашла внутрь аила. В дыру посередине крыши заглядывали звёзды, и в этом была какая-то невероятная, первобытная прелесть. От долгого перехода у меня гудели ноги, и я с облегчением опустилась на мягкую подстилку на женской половине – справа от входа.

Тем временем свет от разгорающегося костра выхватывал из темноты скромное жилище без обычной утвари – судя по ее отсутствию, постоянно здесь никто не жил.

Внезапно мой взгляд остановился на чем-то, совершенно необычном! Я даже привстала. Вот такого я уж точно не видела во время своих этнографических экспедиций...

На стене висела одежда, но зато какая! Широкое белое платье, а сверху – множество разнообразных, свободно висящих шнурков, косичек, узких полосок шкур и тканей, оканчивающихся внизу кисточками или железными побрякушками. И над всем этим – головной убор такого же типа. Отблески огня плясали на железках, придавая всей одежде необыкновенный, я бы даже сказала, живой вид.

– Вот это да! – не удержалась я от возгласа и повернулась к Туйлаш. – Это ваш костюм? Шаманский?

– Да, для камлания, – ответила Туйлаш, подбрасывая в огонь ветки.

– Какая самобытность!.. Ему же место в музее!

Алтайка исподлобья глянула на меня и коротко ответила:

– Здесь ему место.

– Какая красота... Туйлаш, а вы не боитесь, что его украдут?

Она с изумлением уставилась на меня и покачала головой.

– Да кто же посмеет украсть у кама? Я же сказала тебе: сюда никто не ходит, люди боятся и уважают духов земли и гор. А ты – украсть...

Костер разгорелся. Туйлаш зашла в аил. Я поднялась, чтобы получше рассмотреть шаманское одеяние, но алтайка бесцеремонно отодвинула меня.

– Нельзя трогать вещи кама.

После чего она стала переодеваться, ничуть не смущаясь.

– Камлать буду. Спрошу духов, годишься ли в камы, и дол-

го ли тебе здесь быть одной.

– Мне? Одной? – опешила я.

– Уж как духи скажут.

К такому повороту событий я не была готова. С какой стати? Одна, без еды, у черта на куличках? И вообще... После того, как мне удалось выспаться, прежние мои ночные кошмары отступили – может, навсегда?.. Тогда зачем мне дополнительные трудности?

Между тем Туйлаш облачилась в свой наряд, надела диковинную шапку, скрывшую ее лицо за шнурочками и косичками, вышла из аила и приблизилась к костру; я направилась за ней следом.

Шаманка села у огня и взглянула на меня снизу.

– Чего ждешь? Садись рядом.

Я послушно опустилась чуть в стороне, чтобы не задеть её. Туйлаш, слегка раскачиваясь, пробормотала:

– От-Эне, Мать-огонь, прими наш скромный дар... – дальше последовала фраза на незнакомом мне языке.

Туйлаш положила в костер сухие ягоды, которые тут же воспламенились, распространив смолистый аромат.

– Это священная арча, – предупредила она мой вопрос и протянула мне горсть сушеных можжевеловых ягод. – Вот, возьми, будешь кормить дух огня.

Затем она неторопливо достала из тряпицы лепешку и тоже положила её прямо в огонь. При этом пламя, похоже, совершенно не обжигало её руки. После этого действия шаманка

стала сосредоточенно прогревать над огнем свой бубен. Теперь в ней было не узнать мою попутчицу – Туйлаш полностью преобразилась. Прогрев бубен, она несколько раз ударила в него и прислушалась к его глухому рокоту.

– Забудь что ты Сопия, – приказала она мне изменённым голосом, а может, это мне показалось?..

Бум!.. Бум!.. Бум!.. – опять раздались гулкие удары. Некоторое время шаманка, сидя у огня, ритмично стучала колодушкой в бубен и что-то призывно пела на своем языке, то повышая, то понижая голос. Одновременно она то склонялась лицом прямо в огонь, который не обжигал её, то выгибалась в стороны и назад.

Я смотрела во все глаза: мне было безумно интересно, я никогда не видела ничего подобного! Промелькнула мысль, как бы это вписать в мою кандидатскую, мелькнула и пропала.

И тут вдруг шаманка буквально взвилась вверх, в воздух – с места, без разбега или толчка!.. А затем принялась метаться, кружиться, приплясывать, подпрыгивать, что-то бормоча на непонятном языке. Косички и шнурочки на её одежде развевались – то веером, то волнами, железки позвякивали, бубен рокотал, и в такт шаманской пляске металась языки пламени, то припадая к земле, то взвиваясь ввысь и рассыпая искрами.

В какой-то момент я вдруг обнаружила, что пламя почти угасло, и бросила в него немного можжевельных ягод. Огонь,

как мне показалось, с благодарностью принял ягоды и взвился ярко-красными лепестками.

Далеко в ночной тиши разносилось пение шаманки. Казалось, это звучит голос чьей-то одинокой души – не то зовет к себе, не то плачет. Вот он прервался криком кукушки, затем волчьим воем...

Зрелище завораживало и поглощало полностью, так, что вскоре я перестала ощущать себя отдельной фигурой. Да, под звёздным небом, у ночного костра происходило самое настоящее сакральное действо, и мечущаяся фигура шаманки приоткрывала таинственную завесу, втягивала меня в него.

Это была фантазмагория! И я стала ее частью. Я бросала в огонь очередную горсть можжевельновых ягод, как только видела начало его угасания. И вот, все это вместе: пляска шаманки, пляска огня и пляска теней – сложились в единый сюрреалистический вихрь. И в нем я внезапно отчетливо увидела те мерзкие рожи, которые до этого превращали мою жизнь в кошмар...

Только теперь я их не боялась, наоборот – разглядывала. Какой-то несчастный худой мальчишка... Мерзкий древний старикашка со злющими глазами... Еще мелькало лицо воина монгольского типа – этот был бы вполне симпатичным, если бы не его надменность... А поверх всего этого черной завесой качалась тень безглазой мерзкой старухи с ртом-провалом, она все пыталась дотянуться до меня, но ей это никак

не удавалось.

Не старайся!.. Никто не смеет повелевать мной!

Мой (?) голос прозвучал на незнакомом языке, резко и властно, я не знала, что это за язык, но понимала, что не алтайский. Меня ещё очень удивило то, что вроде бы это говорю не я, а некто незнакомый, сидящий во мне.

Между тем шаманка, бормоча, кружила и приплясывала вокруг, а над ней летали какие-то белые бабочки. Их становилось всё больше, вскоре они закрыли от меня и костёр, и шаманку, и мерзкие рожи, и тень черной старухи... Да нет же, не бабочки – это снежинки необычайной красоты, такие себе филигранные кружева тончайшей работы, и они не таяли на моих ладонях. Откуда-то из-за снежной (!) завесы послышался далекий голос шаманки: возвращайся, Сопия...

Глава 2

Я словно очнулась ото сна.

Вокруг была предрассветная синева. Снегопад закончился. Костёр погас, видимо, давно, поскольку был укрыт небольшим слоем снега и уже не дымился. Снегом также было припорошено все вокруг.

Я вертела головой, пытаюсь понять, что за чертовщина.

– Туйлаш, – окликнула я, но та не отвечала. И бубен молчал.

Я поднялась и прошла в аил – пусто. Моей спутницы не было видно нигде. На стене опять висело шаманское убранство. Выходит, она уже успела переодеться и уйти? Бросила меня? Здесь, среди внезапной зимы?! Ничего себе ситуация...

Я вышла на улицу и, как опытный следопыт, обошла вокруг аила по расширяющейся спирали, пытаюсь отыскать след Туйлаш. Напрасно!.. Значит, она ушла отсюда ещё до окончания снегопада...

Я вернулась в аил и плюхнулась на подстилку, пытаюсь справиться с мыслями. Подумала, что не мешало бы разжечь костёр. Но тут же другая мысль пришла мне в голову: ну, и сколько ты собираешься сидеть у костра?.. Нет уж, надо идти, пока не загнулась от холода и голода!

Кстати, я почему-то не ощущала холода... Как, впрочем,

и голода.

Я вышла и огляделась вокруг. Вон справа розовеет небо, освещая вершины гор. Значит, надо идти в противоположную сторону. Но ведь придётся топтать часов шесть, не меньше! По снегу! А я в простом спортивном костюме...

Ничего, скоро поднимется солнышко и растопит снег, согреет землю – лето всё-таки...

А может, все же лучше сидеть здесь и ждать Туйлаш? Нет, нет, я слышала – она сказала: возвращайся сама.

Но зачем такие сложности? Зачем она устроила все это средневековое действо? Да и ещё оставила меня здесь одну! Поразмыслив, я поняла: Туйлаш решила вышибить клин клином. То есть, своей средневековой мистерией она сумела так воздействовать на мою психику, что я позорно уснула и проспала её уход. Так ею и было задумано, чтобы от этих передраг у меня психика в норму пришла. А что, клин клином – тоже метод...

Я чувствовала себя очень даже бодрой и хорошо отдохнувшей. Интересно все же, сколько прошло времени? Ах, да, вон рассвет. Стало быть, не менее шести часов. А я и не замерзла вовсе, несмотря на снегопад.

Я вернулась в аил и принялась рассматривать шаманское убранство. Мне до чертиков захотелось его примерить, но я удержалась – то ли из-за слов шаманки, то ли из-за моего атеистического воспитания. Я только приблизила к нему лицо, закрыла глаза и вдохнула запах – уж это мое неотвязное

желание точно было безобидным...

Не-ет!.. Запах гари, мое ложе в огне, полыхает весь аил!..

И все пропало. Только сердце мое бешено колотилось.

Я потрясла головой, поморгала глазами – ничего такого огненного, все на месте.

Ну Туйлаш... Интересно, когда и чем ты меня опоила?.. Или окурила?.. Да так, что безобидный запах вызывает галлюцинации!.. Ну и дела... Вдохнуть, что ли, ещё раз запах колдовства?..

Поколебавшись, я решилась на более безобидный эксперимент – подобрала с пола несколько можжевельных ягод, закрыла глаза и вдохнула их аромат...

Я стояла у священной арчи и подавала ленточку какой-то женщине... В сухом теплом воздухе витали пряные запахи трав, а также дыма, лошадей и кож... Я ощущала невыразимую душевную боль и чувство невосполнимой утраты...

Опять галлюцинации!.. Я отшвырнула можжевельные ягоды. Ну нет, с меня хватит!.. погоди же, Туйлаш, дай только добраться до тебя...

Я вышла из этой колдовской обители – аила, и прямо по снежной целине решительно направилась в сторону поселка. Меня разбирала досада на Туйлаш, а главное – на себя! Как же так? Я всегда была не по годам рассудительной, меня никогда не привлекали такие пережитки прошлого как гадание, сонники и прочие авантюры подруг. И вдруг пойти на поводу у случайной попутчицы, совершенно незнакомого

человека?..

Да, но она ведь как-то помогла мне преодолеть ночные кошмары. А помогла ли? Не вернутся ли они снова? Нет, сейчас не стоит об этом думать. Нужно идти! Вперед!..

Бодрым шагом я двигалась в нужном направлении. Хотя солнце поднялось достаточно высоко, снег не таял. Но мне не было холодно, я шла быстро и уже довольно долго. Вскоре показались чьи-то следы. Я воспряла духом, подумав, что это следы Туйлаш, и я вот-вот догоню её.

Но в следующую же минуту поняла, что это – мои собственные следы! Я шла по кругу. Классика... Вместо того, чтобы время от времени сверять ориентиры, я упивалась своим раздражением и обидой на шаманку. А ведь она помогала мне совершенно искренне и бескорыстно!

Отставить лирику!.. Так, я – правша, значит, надо делать правый шаг короче, чтобы не ходить по кругу. И ещё – сверяться, чтобы горы всё время были за спиной, тогда не заплутаю. Объяснив себе всё вот таким образом, я воспряла духом и зашагала, делая короче правый шаг и забирая вправо.

Вскоре цепочка моих шагов слева исчезла. Но теперь случилась новая неприятность: небо и горизонт стало затягивать дымкой. Я поняла, что нужно идти быстрее и прибавила ходу. Не успела... Окружающее пространство быстро затянуло густым туманом, в котором потерялись все ориентиры. Ещё через какое-то время на снегу опять показались сле-

ды... мои следы. Я остановилась, тупо уставилась на них и смотрела долго-долго. Мысль была только одна: я пропала...

Странно, но, поняв это, я совершенно успокоилась. Огляделась. Туман, укрывший все вокруг, был непривычного зеленоватого цвета, он подполз ко мне и остановился в пределах пятиметрового круга. Я опустилась прямо в снег. А что мне ещё оставалось? Сидеть, пока не замёрзну. Говорят, замерзающие не чувствуют холода, им тепло. Как мне. Я набрала в ладони снег – он не таял и даже не охлаждал. Странно. Что-то было не так.

Что происходит?.. Я сплю?.. Или уже умерла?..

Я подскочила, сделала махи руками, ногами, ущипнула себя за руку, снова потрогала снег – всё так же. Мне пришла в голову глупейшая мысль, глупее не бывает, и всё же: может, это духи Туйлаш меня здесь морочат?.. Мстят мне за мою обиду на неё.

Туйлаш, прости...

Поразмыслив, я решила, что должна идти, неважно куда, главное – двигаться. И я пошла снова, но теперь бесцельно, куда глаза глядят. По следам так по следам, в туман так в туман. По нетающему снегу. Подлый туман колыхался вокруг меня зеленоватым облаком, не приближаясь и не удаляясь. Мне даже интересно стало, отчего он такой, я сделала рывок и подбежала, чтобы потрогать, но зеленоватая завеса словно бы отпрыгнула от меня. Тут я заметила, что уже не иду по своим следам, они куда-то пропали. А пока я пыталась раз-

глядеть их, пропал и туман! Вот только что был, и вдруг исчез. Чудеса, да и только.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.